

Серно-Соловьевич Николай Александрович

"Дети"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович С.**
"Дети" / Серно-Соловьевич Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 35 с.

ISBN 978-5-519-73367-0

ISBN 978-5-519-73367-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Иль с злости покраснев как рак,
Святая постница старушка,
Или салонная краса
Одна - скелет, в людях - подушка,
Иль та, молоденьких гроза,
Паук, зло-стерегуший муху,
Невежница под пятьдесят,
Всегда готовая дать плечу
За каждый высмотренный взгляд,
Бедняжка нежная, в испуг
Умеющая пасть от мыши
И Геркулес для плеч и рук
Своей питомицы Катиши.
Таким меня ведь не понять.
Но к делу, к делу. Мне хотелось
Тебе, дружок, попенять.
Боюсь я сильно, чтоб не въелось
В тебя назойливое то,
Бессмысленное суеверье,
Которое нам принесло,
Все эти тупые поверья,
Гаданья, и за то взяло,
Так много разума и смысла!
У нас, бесспорно, повезло,
Всему тому, что чуждо мысли....
А впрочем, надо же открыть
Поэзию в стране родимой,
И вот стараются покрыть,
В грязи, глуши непроходной,

Где топи с каждой стороны,
Парчю, жемчугом, румяной,
Гнилую ветошь старины,
Нелепой, дикой, вечно-пьяной,
Где мысли негде отдохнуть
Ни в тереме, ни в срубе грязном....
Я не могу в себя вдохнуть
Восторг, видом безобразным.
В мое бы сердце налилась
Лишь желчь, мечток об этохе,
Где мысли нет, а жизнь слилась
В безумном гике да во вздохе...
Одно лишь в вековой цепи
Мне дорого воспоминанье:
Я слышу гул: то сы в степи
гуляет вихрь, то колыханье,
Могучих, смелых, бурных волн,
И вот от близка, от далеча,
Стремится ожиданий полн
Заслыша звук родного Веча
На площадь, вольный, свой народ.
Здесь мысли хочется остаться.
Но время мчится. Поворот.
И навсегда уж ей расстаться
С своей возлюбленной мечтой -
Гаданья многих забавляют
Своей наивной простотой
И строгий разум подкупают
Игровой детскостью затей.

Я их боюсь. В игре печальной
Забаве для больших детей
Я вижу саван погребальный,
А под тем саваном, тот ум,
С природы бойкий и игривый,
Что схоронил так много дум
Окоченев в сони леновой
Везде народ привычки раб
А нас так положил на диво
Особенно же наших баб
|Так выражаюсь неучтиво
Затем, что дамы меньшинство
Я ж точности большой любитель|
Привычек суть и естество,
Их несомненный прародитель, -
Обычай истый, наш, родной,
Обычай праведный: не думать.
У нас и важный и простой
Все то, что нужно бы обдумать,
На волю отдают судеб.
Судьба же: чет, какой-то голос,
Ворожея, печеный хлеб,
Пассянс, сон, поредевший волос,
Мешочек с чем то, узелок,
Супруг, открытая страница,
Звон в ухе, сломленный мелок.
Короче, эта вереница
В себе все может заключать,
Чем глупость, лень, воображение,

Незнание, ханжество, молчать
 Заставить могут размышление
 И разум блажью заменить,
 Считаемую ими верой.
 Оно удобно. Изменить
 Положим требуется в серый,
 Что без сомнения, бело.
 Как быть? Никто не убедится.
 Цвет бел, а в комнате светло.
 Так. "Но все ж лучше положиться
 На указания небес,
 Чем на людей." - Что их гордыня?
 Умом ведь заправляет бес.
 А вера слабому твердыня
 При ней и хитрость иногда
 Полезна...

- Нет уж Саша, наши
 Гадают честно чтоб...

- Ну да
 Узнать веления папаши,
 Который Роком звался встарь
 И даже заправлял богами,
 А нынче, также как вся тварь
 Подвластен богу, но благами,
 Снабжает нас, не знаю как.
 Оне так страстно суеверны,
 Что рады верить хоть в пятак,
 Лишь бы сказали им наверно,
 Что он лежал у святых рак.

Однако, ведь оне умеют,
Всегда устроить дело так,
Что их оракулы умеют
Ответ неблагодейный дать.
У них все верные гаданья,
То книгу станут раскрывать,
Такую, что все предсказанья,
Надежду могут баловать,
То после долгих упражнений,
Кровь станет к мозгу приливать.
Тогда, для голосов, видений,
Открыто поле - и они
Всегда нашептывают верно.
Нет, Оля! эту блажь гони
С ней жить опасно, глупо, скверно.
Но я хорош. Тебя прервал
Чтобы сказать всего два слова
И битый час протолковал
Прости, мой друг. Нам ведь так ново
Беседой сердце освежать!
Еще я слушать не умею
Тем менее, себя сдержать.
Уж завтрак подан; я не смею
Там разговора продолжать;
Тебя съедят. Но я с тобою
Останусь вечер. Наряжать
Тебя не будут?

- Я собою,

Ты знаешь, не располагаю

У Бельских

Мы званы, но я полагаю,

послала к

Спросить, одной ли Варе ехать,

Или и мне, больна.

С ответом хотел заехать.

- Что ты в него не влюблена?

- Ах, Саша!.... право...

Вот прекрасно!

- Я и не думаю совсем.

К чему краснеть. Ведь не напрасно

Вас дрессируют. Ты ничем

Тут не грешна. Приготовляться

Вам нужно ж для вступления в брак.

Скучать, выплясывать, влюбляться -

Ваш общий курс. - Твой дурак,

Да где умишки в одну меру

Там ноги можно оценивать.

- Я право, Саша...

- Верю, верю.

Пойдем, уж нам идут пенять.

2.

- Тебе я, Саша, не мешаю?

Ах.

- Основательный испуг!

Постой, куда ты! Приглашаю

Вас познакомиться. - Мой друг

Мамаев Митя -. Ты, Оленок,
 Покрепче руку жми ему.
 А этот диенький ягненок,
 Любезный сердцу моему,
 Моя сестра. - Садись же с нами,
 И не конфузья: он мне брат.

- Да я давно знаком и с вами
 Его рассказами и рад
 Что удалось нам повстречаться
 Друзья друзей ведь нам друзья

- Да нам не трудно бы встречаться,
 Но только сашины друзья
 В число своих нас не включают
 Хотя и говорят в лице.
 Друзей своих ведь навещают
 И вот пример вам налицо
 Но вы бываете у Саши
 А не хотите ездить к нам

- На то резон есть. Гости ваши
 К вам ездят. Нам же беднякам
 На своей паре понтируя,
 Нельзя салоны посещать.
 Ведь если с Выборгской приду я
 На суаре к вам, - очищать
 С меня грязей и не захочет
 Ваш домestik - и будет прав.
 Подумайте ж как захохочет
 Кузина ваша, увидав
 Мой туалет; как ваши танты,

С досады и стыда замрут;
 Как завтра ж завитые франты
 С утра, весь город обегут
Из них иные также ходят
 Поутру, но завившись в долг|
 С известием, что переходят,
 В традиционный дом и что уж толк
 О Двинских город потешает,
 И говорят нельзя бывать,
 У них, с тех пор как посещает
 Их всякий сброд: - Вам забывать
 не следует, что я перчаток
 Шляп, фраков не могу носить
 Я беден, с головы до пяток.
 С собой пришлось бы приносить
 Мне бедность к людям, для которых
 Она презренна и смешна
 Ведь свет ваш на таких опорах
 Стоит, что ни моя мошна,
 Ни голова для них не годны
 Одну их груз тотчас погнет
 Другой такие мысли сродны
 Что вероятно светский гнет
 Не бы тяготил сильнее
 Чем даже лямка нищеты.
 - Вот это, кажется, вернее,
 Вы нашей светской суеты
 Не любите, и точно Саше
 Нас красите всех в черный цвет;

Боясь, чтоб ум твой не погас
Как грязью залитая плошка
В том омуте, где ты живешь,
Среди той кучи всякой дряни,
где мысли светлой не найдешь.
Да право, кроме старой няни,
И матери, всегда больной,
Я из отцев, тебе знакомых
Души не знаю ни одной,
Чьи речи, стаи насекомых,
Не разъедали бы твой мозг.
Агафья дика - суеверна
И мыслит столько же как воск,
В который верит так безмерно,
Но в ее глупой простоте,
Нет холодящей мертвечины
Горячей только в клевете,
А для злой ближнего кручины
Имеющей одни слова
Приличьем полные, моралью,
Оледенелые дрова,
Для сердца сжатого печалью
Негреющий, шипящий лед.
Любить старушке не мешает
Ни глупость, ни преклонность лет,
А ведь тот круг, что посещает,
Салон ваш, до того исчах,
Так изнурен развратной скукой,
Работой рьяною в ногах,